

КСАНФ

Источник магии

Пирс Энтони

Пирс Энтони

Источник магии

Серия «Ксанф», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312690

ISBN 978-5-222-42033-1

Аннотация

Поиски источника магии, который угрожает существованию Ксанфа.

Нет ничего удивительного в том, что, будучи правителем волшебной страны, король Трент интересовался источником ее магии. Вполне разумно было отправить на поиски причин уникальности Ксанфа именно Бинка – единственного из его подданных, кому волшебство не способно было причинить вреда.

С самого начала Бинку и его спутникам – кентавру Честеру и солдату Кромби, превращенному в грифона, – докучал невидимый враг, решительно настроенный помешать их поискам. Даже волшебной мощи доброго волшебника Хамфри вкупе с защитным талантом Бинка с трудом удалось спасти им жизни.

Когда же Хамфри и Кромби ополчились против него, все казалось потерянным. Но изобретательность и удача Бинка восторжествовали, и ему удалось достичь своей цели.

Приказ короля был выполнен...

Однако король не ожидал, что Бинк окончательно и бесповоротно уничтожит магию Ксанфа!

Содержание

Глава 1. Скелет в чулане	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Энтони Пирс

Источник магии

Глава 1. Скелет в чулане

Нюхач магии бросился к Бинку, непрерывно пошевеливая своим тоненьким гибким носом. Подбежав к нему, зверек впал в неистовый восторг: он стал издавать звуки, напоминающие флейту, вилять своим пушистым хвостом и скакать вокруг Бинка кругами.

– Ну-ну, я тоже тебя люблю, – сказал Бинк, присаживаясь на корточки и обнимая зверушку. Зверек ткнулся ему в лицо влажным носом. – Ты ведь первый поверил в мою магию, когда...

Бинк умолк на полуслове, потому что зверек вдруг начал очень странно себя вести. Он перестал резвиться и насторожился, будто чего-то испугался.

– Что случилось, дружище? – заботливо поинтересовался Бинк. – Я что, обидел тебя? Тогда, брат, извини!

Но нюхач поджал хвост и засеменил в сторону. Бинк озадаченно посмотрел ему вслед. Складывалось впечатление, что его магия исчезла, и потому зверек потерял к нему всякий интерес. Но магический талант Бинка, как, впрочем, и у всех остальных, был прирожденным и не мог исчезнуть сам

по себе, пока Бинк жив. Должно быть, зверушку просто что-то напугало.

Бинк настороженно огляделся по сторонам. На востоке простирался сад замка Ругна, где росли всякие экзотические фрукты и овощи, а заодно и всевозможные штуки, такие как бамбуховые вишни и дверные ручки. К югу лежала необжитая Глухомань Ксанфа. Бинк вспомнил, как в прошлом эти джунгли подгоняли его быстрее добраться до замка – тогда они казались ему такими опасными. Теперь почти все деревья выглядели очень дружелюбными. Они хотели, чтобы волшебник остался и сделал замок Ругна опять великим. Король Трент осуществил это. И теперь силы этих мест служили на пользу королевству. Казалось, ничто не нарушает заведенный порядок.

Ну ладно, пора и за дело. Сегодня вечером будет бал, а у Бинка совсем износились башмаки. Он направился на окраину сада, где росло раскидистое башмачное дерево. Туфли по своей природе любят странствовать и часто оседают в самых непредсказуемых местах.

На дереве отыскалось несколько пар спелых башмаков. Бинк, не срывая с веток, осмотрел башмаки и выбрал подходящую пару. Потом он сорвал с дерева выбранные башмаки, вытряхнул из них семечки и надел их. Они оказались очень удобными и, как и положено свежим вещам, прекрасно выглядели.

Осторожно ступая, чтобы разносить, но не попортить

башмаки, Бинк направился к дому. Странное происшествие с нюхачом не выходило у него из головы. Было ли это предзнаменованием? Здесь, в Ксанфе, предзнаменования всегда сбывались, вот только редко удавалось их заблаговременно правильно понять. Может, ему грозит какая-то неприятность? Маловероятно. Бинк твердо знал, что можно без преувеличения считать: какая-нибудь неприятность с ним может случиться, только если серьезная беда обрушится на весь Ксанф, так что, скорее всего, он что-то не так понял. Может, у зверушки просто расстройство желудка, вот она и бросилась искать подходящий кустик.

Вскоре показался и дом Бинка. Это был великолепный сырный коттедж, расположенный на самой границе владений замка. Бинк переехал сюда сразу же после свадьбы. Корочка сыра давно затвердела и потеряла большую часть своего бывшего аромата. Стены дома были из окаменевшего мелкозернистого сыра желтовато-сливочного цвета. Внутри дом отличался большим вкусом и был, наверное, лучшим из всех существующих жилищ, но так как Бинк не сам выедал дом, то считал, что бахвалиться этим он не вправе.

Бинк глубоко вздохнул, собрался с духом и открыл корочку-дверь своего дома. Вместе с ударившим в нос сладковатым ароматом выдержанного сыра его встретили яростные вопли:

– Это ты, что ли, Бинк! Наконец-то! Где тебя носит, когда дома дел неупророт? Совсем уже на все наплевал!

– Мне нужны были башмаки, – коротко отозвался он.

– Башмаки! – иронически воскликнула она. – Да у тебя же они и так есть, идиот!

В данный момент его жена была намного умнее его. Умственные способности Хамелеоши, так же как и ее внешность, менялись в течение месяца. Будучи прекрасной, она была глупой, причем и то и другое доходило до крайности. Когда же она была умной, то становилась полным уродом. В данный момент Хамелеоша была на пике своего уродливого периода. Это было одной из причин, по которой она не высовывала носа из дома, буквально заточившись в своей комнате.

– Для сегодняшнего вечера мне нужны красивые, – возразил Бинк, с трудом сохраняя терпение.

Он тут же пожалел о сказанном: в данный момент любое упоминание о красоте приводило жену в ярость.

– С чего это, дурень ты безмозглый?

Бинку очень не хотелось, чтобы она подчеркивала свое умственное превосходство. Обычно у нее хватало ума не делать этого. Бинк был согласен, что он не гений, но полным тупицей он себя тоже не считал. Вот она-то как раз и являлась тем и другим попеременно.

– Мне надо быть на юбилейном балу, – пояснил он, подумав, что она это и так знает. – Если я появлюсь там неряхой, это оскорбит королеву.

– Полный придурок! – взывала Хамелеоша из своего убе-

жища. – Ты же там должен быть в маскарадном костюме! Никто и не заметит твоих вонючих башмаков!

Опа! А ведь она права! Все его старания были совершенно напрасны!

– Ты, как всегда, думаешь только о себе, – продолжала она, распаляясь праведным гневом. – Болтаешься по всяким вечеринкам, в то время как я должна сидеть дома и грызть стены.

Последнее замечание было буквальным – сыр, из которого были сделаны стены коттеджа, состарился и затвердел, но в злости она его грызла, а на данный момент злость почти не покидала ее.

И все же он старался смотреть на вещи непредвзято. Они были женаты около года, и он любил Хамелеошу. И Бинк с самого начала знал, что будут счастливые времена, будут и тяжелые. Сейчас наступили тяжелые. Очень тяжелые!

– Почему бы тебе не пойти вместе со мной, дорогая?

Последовала необузданная вспышка гнева.

– Мне?! В таком-то виде! Прибереги свое остроумие для кого-нибудь другого!

– Но ты же только что сама напомнила мне, что это маскарад! Каждого гостя королева нарядит по своему вкусу. Так что никто не увидит...

– Да ты и впрямь пустой пузырь! – взвизгнула она за стеной, и Бинк услышал, как что-то разбилось. Теперь она уже в полной ярости швыряла все, что попадет под руку. – Да

какой бы ни был костюм! Как я могу пойти на бал, когда я на девятом месяце?!

Вот это-то и злило ее по-настоящему. Не период умной уродины, с которым за свою жизнь она уже свыклась, а неудобства и ограничения, вызванные беременностью, выводили ее из себя. Бинк научился гасить такие вспышки гнева, когда она была в фазе глупой красавицы, но, становясь умной, она и слышать не хотела никаких увещеваний. Она очень боялась, что ребенок уродится в нее... или в него. Ей очень хотелось найти заклинание, которое обеспечило бы ее ребенку какой-нибудь хороший или в крайнем случае нормальный талант. А на данный момент это было делом случая. Она очень болезненно воспринимала такое положение дел и никак не могла простить это Бинку. Чем умнее она становилась и чем больше становился срок ее беременности, тем труднее ей было справиться со своим гневом.

Ну ничего, скоро она минует пик своего безобразия и с каждым днем, приближаясь к родам, будет становиться все красивей. Роды должны произойти где-нибудь через недельку. Возможно, ребенок родится нормальным, а может, у него будет очень сильный и полезный талант, тогда страхи Хамелеоши бесследно исчезнут. И она тут же прекратит вымещать на нем свою злость.

А вот если ребенок окажется ненормальным... Но об этом лучше и не думать.

– Извини, я совсем забыл, – пробормотал он.

– Ты забыл! – Прозвучавшая в ее голосе ирония пронзила его, как волшебный меч стены коттеджа. – Идиот! Конечно, тебе очень хотелось бы это забыть! А почему ты не думал об этом в прошлом году, когда...

– Слушай, Хамелеоша, мне пора идти, – пробормотал он, поспешно отступая к двери. – Королева очень не любит, когда к ней в гости опаздывают.

На самом деле, похоже, сама женская природа заставляет женщин сердиться на мужчин и обрушивать на них свой гнев. Именно это и отличает их от нимф, которые выглядят вполне как женщины, но очень терпимы ко всем беспечным мужским прихотям. Бинк подумал, что его еще можно считать счастливчиком, ведь его жена не обладает каким-нибудь опасным талантом, как, например, извергать на людей пламя или обрушивать гром и молнии.

– С чего вдруг королева вздумала нынче устроить эту свою глупую, занудную, никому не нужную вечеринку? Именно теперь, когда она прекрасно знает, что я не смогу на нее пойти? – вопрошала Хамелеоша.

Ох уж эта женская логика! Стоит ли даже пытаться постичь ее? Вся мудрость Ксанфа не сможет найти смысла там, где его никогда и не было. Бинк закрыл за собой дверь.

В сущности, все вопросы Хамелеоши были чисто риторическими. Они оба прекрасно знали ответы на них. Королева Ирис не упускала случая напомнить о своем нынешнем положении, а сегодня как раз и была первая годовщина этого

ее нового положения. Официально бал устраивался в честь короля Трента, но тот не любил показухи и наверняка пропустит это торжество. На самом же деле бал предназначался для королевы, и горе тому царедворцу, который вздумает улизнуть и пренебречь торжеством. А Бинк как раз и был одним из царедворцев.

«И почему все так получается?» – спрашивал себя Бинк, угрюмо тащась в сторону дворца. Он должен бы быть очень важной персоной, королевским исследователем Ксанфа, ему полагается разгадывать загадки магии и докладывать о своих изысканиях лично королю. Но из-за беременности Хамелеоши и необходимости устроить свои домашние дела у него не доходили руки до каких-нибудь мало-мальски важных исследований. В действительности винить за это ему следовало только самого себя. Он должен был предвидеть, к каким последствиям приведет беременность Хамелеоши. На данный момент грядущее отцовство занимало его меньше всего. Но Хамелеоша в своей прекрасно-глупой фазе способна вскружить голову любому мужчине и довести его до... Да какое это теперь имеет значение!

Эх, тоска о прошедших временах! Ах, времена, когда любовь была в новинку, была беззаботной и бесхитростной, когда от него не требовалось никакой ответственности! В своей прекрасно-глупой фазе Хамелеоша была совсем как нимфа...

Нет, это заблуждение! Его жизнь до того, как он встретил

Хамелеошу, вовсе не была такой уж простой. А Хамелеоша трижды попадалась ему на пути, прежде чем он узнал ее по-настоящему. В те дни он боялся, что у него нет никакого магического таланта...

Он начал мерцать... Внезапно его внешность совершенно преобразилась. Это появился присланный королевой маскарадный костюм. Как в душе, так и физически Бинк оставался тем, кем и был на самом деле, но со стороны он выглядел кентавром. Иллюзии королевы! Теперь ему придется принять правила игры, навязанной ему королевой, которая обладала неистощимой способностью устраивать мелкие пакости. Прежде чем попасть на бал, каждый приглашенный должен был под личиной маскарадного костюма определить как можно больше других приглашенных. Победителя в этой игре ожидал приз.

В довершение к этому она создала вокруг замка Ругна видимость хитроумного лабиринта. Теперь, даже если у него и нет никакого желания играть в «угадайку», ему все равно придется найти путь в этом хитросплетении проходов. Чтоб этой королеве ни дна ни крыши!

Однако ему, как, впрочем, и всем остальным, придется пройти этот путь до конца. Король достаточно мудр, чтобы не вмешиваться в домашние дела, и снисходительно спускает королеве все ее причуды. Тяжело вздохнув, Бинк вошел в лабиринт и начал отыскивать путь к замку среди множества запутанных дорожек.

Большая часть преград лабиринта являлась иллюзорной, но в них было вплетено достаточно реальных препятствий, поэтому безопасней отыскать дорогу в лабиринте, чем ломиться сквозь перегородки. Надо дать королеве вволю развлечься, особенно в такой важный день, как первая годовщина коронации. Уж если она не получит того, что хочет, то сделается еще невыносимее, чем жена Бинка в ее нынешнем положении.

Бинк свернул за угол и... чуть не столкнулся с зомби. С изъеденного червями лица зомби сыпались комочки земли и капала гниль, а большие квадратные глазницы, как окна, открывались в мир разложения. От него разило чудовищной вонью.

Бинк с отвращением и удивлением уставился в эти пустые глазницы. В их глубине ему почудилось слабое свечение, напоминающее лунную ночь в долине призраков или мерцание светящихся грибов, пирующих на мозге гниющего трупа. Казалось, через два тоннеля пустых глазниц виделся сам источник этой зловещей картины или даже корни всей магии Ксанфа. И все же это только ночной кошмар, просто живой покойник, ужас, который надо быстро отогнать и забыть. Но почему этот зомби бродит на воле, оставив свою потревоженную могилу? Зомби обычно покидали могилы, когда требовалось защитить замок Ругна, и с того момента, как к власти пришел король Трент, они не показывались.

Открыв смердящий рот, зомби шагнул навстречу Бинку.

– У-у-уп! – Он выдохнул изрядную порцию трупного газа.

Бинк почувствовал тошноту и попятился. Он мало чего боялся в Ксанфе – телосложение и магический талант делали его одним из самых неуязвимых людей королевства. Но определенное неудобство и отвращение, вызванные общением с зомби, действовали ему на нервы. Бинк повернулся и побежал по боковой дорожке, оставив позади живого мертвеца. Со своим рассыпающимся скелетом и сгнившей плотью зомби не мог тягаться в скорости с человеком, да он и не пытался.

Неожиданно перед Бинком возник сверкающий меч. Бинк застыл на месте, с удивлением разглядывая новое препятствие. Он не видел ни владельца меча, ни какого-нибудь устройства, поддерживающего меч в воздухе. Просто меч. А какой смысл в этой иллюзии?

Наверное, это очередная выходка королевы. Ей нравилось вносить в свои вечеринки бодрящий дух соперничества. Надо только пройти сквозь этот меч и, кстати, доказать его иллюзорность.

И все же он колебался. Лезвие меча выглядело слишком правдоподобно. Бинк вспомнил свой юношеский опыт общения с Зямой. Талант Зямы заключался в умении создавать летающие мечи, которые в течение нескольких минут своего существования были прочными, острыми и опасными. Зяма постоянно стремился расширить возможности своего таланта. Он не был дружен с Бинком, а если находится где-то по-

близости...

Бинк выхватил свой меч.

– Защищайся! – крикнул он и ударил своим оружием по летающему мечу, надеясь, что удара не последует и его оружие беспрепятственно просвистит в воздухе.

Королева будет довольна, что ее шутка удалась, а он при этом ничем не рискует – так, на всякий случай, но летающий меч оказался настоящим. Сталь звякнула о сталь. Нападающее оружие парировало удар, вывернулось и устремилось к груди Бинка.

Бинк парировал удар и отступил на шаг. Эта штука совсем не была временным явлением и висела тут отнюдь не бесцельно! Оружие направляла невидимая рука, а значит, за всем этим кто-то скрывается.

Меч наносил удар за ударом – Бинк парировал. Похоже, меч всерьез взялся за дело!

– Кто ты? – крикнул Бинк.

Ответа не последовало.

Последний год Бинк упражнялся в искусстве владения мечом, и его учитель утверждал, что у него есть к этому способности. Бинк был смел, проворен и обладал вполне подходящими физическими данными. Конечно, он не мастер в этом деле, но и новичком его не назовешь. А схватка, пусть даже с невидимым соперником, доставляла ему удовольствие.

Но серьезная схватка... это нечто особое. Почему на него напали, да еще во время дворцового торжества? Кто этот

немой тайный враг? Бинку еще повезло, что заклинание, сделавшее противника невидимым, не подействовало на сам меч, а то бы ему пришлось несладко. Но любая магия в Ксанфе обладала разовым действием: меч не мог сохранить наложенные на него чары твердости и остроты, да еще и быть при этом невидимым. Конечно, и такое возможно, в магии все возможно, но все же это маловероятно. Во всяком случае, Бинку было вполне достаточно вида самого оружия.

— Прекрати! — крикнул Бинк. — Прекрати, не то я возьмусь за тебя по-настоящему!

И опять вражеский меч попытался яростно рубануть его. Бинк уже понял, что имеет дело не с мастером: меч действовал скорее нахально, чем умело. Бинк парировал очередной удар и сделал вялый выпад, намереваясь попасть в незащищенный участок груди противника. Грудь противника могла находиться только в одном месте, так как в схватке на мечах очень важны равновесие и стойка. Удар Бинка был не настолько мощным, чтобы убить, но достаточно сильным, чтобы...

Клинок пронзил место, где должна была быть невидимая грудь противника, без всякого сопротивления. Там ничего не было.

Изумленный Бинк отвлекся и чуть не потерял равновесие. Вражеский меч сделал выпад ему в лицо. Он еле успел уклониться от этого удара. Его учитель, солдат Кромби, учил его таким приемам, но в данном случае отчасти сказалась про-

стая удача – не имей Бинк своего таланта, он был бы уже мертв.

Бинк не любил зависеть от своего таланта. Поэтому-то он и стал обучаться искусству боя на мечях. Он хотел уметь защитить себя открыто, с честью и не страдать от насмешек тех, кто не без основания считал, что ему помогает случай. Его талант мог остановить или помешать нападению, заставить нападавшего поскользнуться, например, на фруктовой коже. Талант совершенно не задумывался о его чести. А вот когда он победит в честном бою, полагаясь только на свой меч, уже никто не посмеет насмеяться. Сейчас над ним никто не смеялся, но ему все равно не нравилось, что на него напали. Но кто?

Это, должно быть, волшебное оружие из личного арсенала короля. И кто-то очень целенаправленно его использует. Однако явно не король. Король Трент никогда не любил шуток, которые могут привести к серьезным последствиям, и никому не позволял вольно обращаться со своим оружием. Кто-то сумел воспользоваться королевским оружием и направить его против Бинка, и этот кто-то скоро узнает на собственной шкуре, что такое настоящий королевский гнев.

Но в данный момент это мало успокаивало. Бинку не хотелось прятаться за спину короля. Это его сражение, и он должен его выиграть! Правда, здесь есть одна трудность: надо добраться до того, кого здесь нет.

Поразмыслив, Бинк отбросил возможность того, что кто-

то управляет мечом, находясь в отдалении. Магически такое вполне возможно, но, насколько он знал, у него не было врагов, которые хотели бы на него напасть как магически, так и обычным способом, да еще с помощью королевского оружия и в самом замке Ругна.

Бинк опять схватился с вражеским мечом и, умело маневрируя, вынудил его занять неудобную позицию, после чего рубанул по невидимой руке. Как он и ожидал, никакой руки там не оказалось. Теперь не оставалось никаких сомнений: меч действовал сам по себе. Бинку никогда раньше не доводилось сражаться с подобным оружием – король Трент не доверял безмозглым вещам, – так что такой опыт был для него в новинку. Но в этом, конечно, не было ничего такого уж странного: почему бы и не сразиться с заколдованным мечом?

И все-таки почему этот меч желает его смерти, коли он действует сам по себе? К холодному оружию Бинк не испытывал ничего, кроме уважения. О своем мече он усердно заботился, следил, чтобы чары, поддерживающие остроту, продолжали действовать, и уж точно никогда не оскорблял его. Клинки любого вида и назначения не могли искать с ним ссоры.

Может, он как-нибудь, и сам того не заметив, оскорбил именно этот меч?

– Меч, если я тебя обидел или что не так сделал, ты уж меня извини, и давай помиримся, – сказал он. – Я не хочу

сражаться с тобой без всякого повода.

И это безуспешно! Меч попытался яростно рубануть Бинка по ногам.

— Да хоть назови причину! — воскликнул Бинк, в последний момент отскочив в сторону.

Но меч, не останавливаясь, продолжил свою атаку.

— Тогда мне придется тебя обезвредить, — заявил Бинк со смешанным чувством сожаления, гнева и раздражения.

Получался настоящий поединок! Впервые за все это время Бинк встал в настоящую защитную стойку и вложил в бой все свое мастерство. Он уже знал, что в искусстве боя на мечах он превосходит своего противника.

Но он не мог ничего поделать с тем, кто управлял мечом, потому что такового просто не было. Некого ударить мечом, некому отрубить держащую меч руку. Меч не проявлял никаких признаков усталости — им управляли магические силы. Тогда как же с ним справиться?

Выходит, поединок намного серьезней, чем Бинк предположит сначала! Он пока не волновался: нет смысла волноваться, когда противник слабее тебя. Но если противник неуязвим...

И все же его талант не позволит мечу причинить ему вред. Меч в руках человека в обычном поединке мог бы добиться успеха, но, когда в деле замешана магия, Бинк в полной безопасности. В Ксанфе практически невозможно найти предмет, совершенно лишенный магии, так что Бинк обладал

исключительно надежной защитой. Вопрос состоял лишь в том, сможет ли он одолеть меч с честью, при помощи только своей отваги и умения, или же сделает это с помощью, на первый взгляд, фантастического случайного совпадения, призванного его талантом. Если он не добьется успеха первым способом, то вмещается его талант и победа достанется ему вторым.

Бинк опять заставил меч занять невыгодную позицию и сильно ударил по плоскости клинка, надеясь сломать его. Не получилось – металл оказался слишком крепким. Он и не ожидал особого успеха от этого маневра: заклинание на прочность – одно из основных при изготовлении современных мечей. И что же теперь?

Он услышал топот и понял, что кто-то приближается. Надо побыстрее кончать с этим поединком, иначе он попадет в неловкое положение из-за того, что его кто-то спасет. Его талант совершенно не заботился о его гордости – его талант беспокоился только о его теле.

Тут Бинк заметил, что стоит, прижавшись спиной к дереву – настоящему, а не иллюзорному. Иллюзорные перегородки лабиринта переплетались с реальными тропками сада и вместе образовывали путаницу проходов. Дерево оказалось клейстерником – любой предмет, нарушив кору такого дерева, намертво приклеивался к нему с помощью магии. Затем клейстерник начинал медленно обрастать вокруг попавшегося предмета и полностью его поглощал. Но до тех пор пока

кора дерева оставалась неповрежденной, оно было безопасным. Дети могли спокойно забираться на такие деревья и играть в их ветвях, если не пускали в ход что-нибудь острое. А вот дятлы держались подальше от клейстерников. Так что Бинк мог прислониться к дереву, но осторожно, чтобы не...

Вражеский меч попытался нанести Бинку удар в лицо. Бинк так до конца и не понял, когда его озарила эта мысль, до или уже после того, как все произошло. Скорее всего, после, а это означало, что, несмотря на все попытки избежать вмешательства таланта, тот опять пришел ему на помощь. Как бы то ни было, на этот раз он не стал парировать удар, а просто присел.

Меч просвистел у него над головой и врезался в клейстерник, глубоко прорубив кору. В тот же миг сработала магия дерева, намертво приклеив меч. Меч начал изгибаться и дергаться, но тщетно. Ничто не могло преодолеть свойственную какому-то предмету магию! Бинк вышел из поединка победителем.

– Пока, меч, – сказал Бинк, вкладывая свое оружие в ножны. – Сожалею, но задерживаться дольше мы просто не можем.

Но за этой шутливостью скрывались мрачные думы: кто или что заставило заколдованный меч напасть на него? Как бы то ни было, похоже, где-то у него есть враг, а это Бинку не нравилось. И дело вовсе не в том, что он испугался нового нападения, а в неприятном чувстве досады на то, что,

несмотря на его старания со всеми ладить, у него появился враг, который так сильно ненавидел его, что пошел на такие ухищрения, чтобы разделаться с ним.

Бинк в очередной раз свернул в боковой проход и... столкнулся с прикольным кактусом. Конечно, не с настоящим, а то он превратился бы в подушечку для иголок, а с иллюзорным.

Кактус протянул утыканную иголками ветку и схватил Бинка за горло.

– Деревенщина! – взревел он. – Тебя что, мордой в грязь ткнуть?

Бинк сразу узнал и голос, и хватку.

– Честер! – прохрипел он, несмотря на сдавленное горло. – Кентавр Честер!

– Чтоб тебя слепни поели! – выругался Честер. – Подловил меня так, что я себя выдал! – Он несколько ослабил хватку. – А теперь лучше скажи-ка мне, кто ты такой, а то ведь я могу сжать и покрепче.

С этими словами он так сжал горло Бинка, что у того чуть голова не отскочила от туловища. А вот где, интересно, теперь его талант?

– Финк! Хинк! – шипел Бинк, стараясь произнести свое имя, в то время как его губы не могли полностью сомкнуться. – Вон...

– Это от меня-то вонь? – возмутился Честер, злясь еще больше. – Да ты не только уродлив, как горгулья, ты еще и

нахал. – Но тут он заметил еще одно оскорбление в свой адрес. – Эге... да ты и мое лицо на себя напялил!

Бинк совсем забыл, что он в маскарадном костюме. От удивления кентавр немного ослабил хватку, и Бинк воспользовался случаем:

– Я Бинк! Твой друг! В маскарадном костюме!

Честер задумался. Кентавры вообще-то глупыми не бывают, просто этот сначала думал мускулами.

– Если ты собираешься меня надуть...

– Помнишь Германа-отшельника? Как я встретил его в Глухомани и он спас Ксанф от вжиков при помощи своих блуждающих огоньков? Это был лучший из всех кентавров!

Наконец-то Честер опустил Бинка на землю.

– Дядя Герман, – сказал он, улыбаясь. Улыбка на лице кактуса выглядела просто чудовищно. – Похоже, с тобой все в порядке. Но что ты делаешь в моем облике?

– То же, что и ты в облике кактуса, – ответил Бинк, потирая горло. – Иду на бал-маскарад.

Похоже, горло не пострадало, поэтому-то талант Бинка и допустил эту стычку.

– Это точно, – согласился Честер, красноречиво растопырив иголки. – Пакость нашей королевы Ирис. Сука-волшебница! Ты уже нашел путь во дворец?

– Нет. Я тут столкнулся с... – Но Бинк был не уверен, что ему сейчас хочется говорить о своей схватке с мечом. – С зомби.

– Зомби! – засмеялся Честер. – Жаль придурка, которого нарядили в такой костюм!

Костюм! Конечно же! Зомби-то был ненастоящий – просто очередной маскарадный костюм, придуманный королевой. Бинк повел себя так же недальновидно, как и Честер, когда убежал от зомби, предварительно не разгадав, кто скрывается под этой маской. А потом он натолкнулся на меч, который уж точно не был ни маской, ни иллюзией.

– Ох, не больно-то мне нравится эта игра! – сказал он.

– Да и я не в восторге, – согласился Честер. – Но вот приз... Это целый год моей жизни.

– А как же, – хмуро согласился Бинк, – один вопрос, на который бесплатно ответит добрый волшебник Хамфри. Но все борются за это – кто-нибудь да и выиграет.

– Можем и мы, если пошевелим копытами! – сказал Честер. – Давай-ка выясним, кто это наряжен зомби, пока он не смотался!

– Давай, – согласился Бинк, испытывая смущение от своего поведения при первой встрече с зомби.

Их путь пролегал мимо меча, все еще торчащего из дерева.

– Кто нашел, тому приз, – радостно объявил Честер, хватаясь за меч.

– Это клейстерник, он его не отпустит.

Но кентавр уже схватился за меч и дернул. Рывок был так силен, что их обдало каскадом листьев и осыпавшейся коры.

Но меч остался на месте.

– Гм, – буркнул кентавр. – Слушай, дерево... у нас в Кентавровке растет такой же клейстерник. И вот во время засухи я поливал его каждый день, и он выжил. И все, что я за это хочу, так это меч, который тебе все равно ни к чему.

Меч освободился. Честер сунул его в колчан со стрелами и привязал веревочной петлей. Точнее, так подумал Бинк, наблюдая за изгибающимися ветками кактуса. Бинк на всякий случай положил руку на рукоять меча, опасаясь нового нападения своего недавнего противника, но меч в руках кентавра теперь не обращал на него никакого внимания. То, что еще совсем недавно оживляло меч, исчезло.

Честер заметил удивленный взгляд Бинка.

– Надо просто уметь понимать деревья, – сказал он, зашагав дальше. – Я, разумеется, не соврал, кентавры никогда не врут. Я поливал то дерево. Когда до сортира было лень добежать.

Итак, клейстерник отдал свою добычу. Что ж, а почему бы и нет? Кентавры обычно очень хорошо относятся к деревьям, хотя к прикольным кактусам Честер особой любви не питал. Без сомнения, именно поэтому королева, в соответствии со своим представлением о юморе, и нарядила его в этот костюм.

Они подошли к тому месту, где Бинк встретил зомби, но жуткое создание уже исчезло. От него остался только липкий комок грязи. Честер пнул его своим передним копытом.

– Настоящая грязь... это от иллюзорного-то зомби? – озадаченно сказал он. – Иллюзии королевы становятся с каждым разом все натуральней.

Бинк согласно кивнул. Это замечание вызвало у него беспокойство. Очевидно, королева основательно расширила свои возможности в области иллюзий, но ради чего так стараться? Ее магия сильна и намного превосходит способности обычных людей: королева – одна из трех жителей Ксанфа, которые входят в разряд волшебников. Но даже ей требуются значительные усилия, чтобы создать каждую деталь каждого костюма каждого приглашенного на бал. У Честера и Бинка костюмы были всего лишь видимостью, в противном случае они не могли бы общаться.

– А вот свежая кучка грязи, – заметил Честер, – настоящей грязи, а не иллюзорной. – Он придавил ее своей кактусовой ногой, которая все равно оставила отпечаток копыта. – А не мог ли этот друг уйти здесь обратно под землю?

Любопытный Бинк тоже поковырял холмик ногой. Но, кроме земли, там больше ничего не было. Никаких следов зомби.

– Ну ладно, мы его упустили, – заключил Бинк, расстроившись по причине, которую и сам не смог бы назвать. А зомби казался таким настоящим! – Давай-ка лучше найдем дорогу во дворец, вместо того чтобы болтаться здесь, как два дурака.

Честер кивнул, и его кактусовая голова смешно закача-

лась.

– Во всяком случае, я не больно-то умею угадывать, кто есть кто, – признался он. – А единственный вопрос, который я мог бы задать доброму волшебнику, не имеет ответа.

– Не имеет ответа? – переспросил Бинк, когда они повернули в очередной проход.

– С тех пор как у Чери появился жеребенок, заметь, прекрасный маленький кентаврик с пушистым хвостиком, у нее, похоже, вовсе не осталось времени для меня. Я как пятое копыто в стойле. И что я могу...

– Ты тоже! – воскликнул Бинк, узрев в этом корни собственного дурного настроения. – Хамелеоша еще и не родила, а уже... – Он пожал плечами.

– Не волнуйся... у нее же не будет жеребенка.

Бинк фыркнул, хотя находил в этом мало смешного.

– Эх, кобылы... – печально заметил Честер. – С ними далеко не убежишь, но и без них никуда не денешься.

Внезапно из-за угла выскочил гарпий. И опять вспыхнула перепалка, ведь все трое чуть не столкнулись.

– Ты что, клюв, ослеп? – рявкнул Честер. – Порхай-ка с дороги, куриные мозги!

– А у тебя что, и впрямь кочан, а не голова? – писклявым голоском возмутился гарпий. – Убирайся-ка с дороги, пока я не сделал из тебя вонючий шарик с помощью твоих же тупых иголок.

– Тупых иголок! – Честер и в прекрасном настроении был

чересчур задирист, а уж от такого оскорбления набылчился прямо на глазах. Будь он настоящим кактусом, уже произвел бы залп своими иголками – а на вид они не такие уж и тупые. – Хочешь, чтобы я твои засаленные перышки запихал в твою жалкую глотку?

Тут уж гарпий, в свою очередь, надулся от злости. Большинство гарпий относилось к женской половине общества, но этот был из мужской – еще один пример проявления своеобразного юмора королевы.

– Как же! – пропищал пернатый противник. – Только после того, как я выжму сок из твоего кочана, зеленая морда!

– Ах вот ты как! – взревел Честер, совсем забыв, что кентавры обычно не склонны к склоке.

И гарпий сцепился с кактусом. Под видом гарпия явно скрывалось более крупное существо, не привыкшее спускать оскорбления незнакомцам. А этот странный музыкальный голосок...

– Мантикора! – воскликнул Бинк.

Гарпий застыл:

– Очко в твою пользу, кентавр. Мне знаком твой голос, но...

Бинк удивился было, но тут же вспомнил, что он сейчас пребывает в облике кентавра, так что гарпий обращается к нему, а не к Честеру.

– Я Бинк. Я встречался с тобой у доброго волшебника, еще тогда, когда...

– Точно! Ты еще разбил его волшебное зеркало. К счастью, у него было в запасе другое. Ну, как твои дела?

– Для меня настали тяжелые времена: я женился.

Мантикора музыкально засмеялся:

– Надеюсь, не на этом кактусе.

– Послушай, ты, – предупреждая начал Честер.

– Это мой друг, кентавр Честер, – поспешил вмешаться Бинк, – он племянник Германа-отшельника, который спас Ксанф от...

– Германа я знал! – сказал мантикора. – Это была величайшая личность среди кентавров даже до того, как он отдал жизнь за свою страну. Единственный из всех известных мне кентавров, кто не стыдился своего волшебного таланта. Его манящие огоньки как-то вывели меня из логова дракона. Когда я узнал о его смерти, я так расстроился, что пошел и ужалил до смерти маленькую древопутану. Он был намного лучше всего этого стада копытоголовых, которые его изгнали... – Он осекся. – Не обижайся, кактус, ты его племянник и все такое. Пусть я и собирался тебя ужалить, но я никогда не оскверню память великого отшельника.

Более верного способа обрести расположение Честера, чем воздать должное его герою-дяде, не существовало. И мантикора об этом, должно быть, знал.

– Никаких обид! – тут же воскликнул Честер. – Все до последнего слова сущая правда! Мое племя изгнало Германа, потому что считало непристойным для кентавра обладать

магией. Большинство из них и до сих пор так думают. Даже моя собственная кобылица, прекрасный образец кобылей плоти, если хочешь знать... – Он покачал кактусовой головой, почувствовав неуместность своего примера. – Они и есть копытоголовые.

– Времена меняются, – заметил мантикора, – настанет день, и все кентавры будут гордиться своими магическими талантами, а не поносить их. – Он шевельнул крылом гарпии. – Ну, мне надо пойти узнать еще кого-нибудь. Не то чтоб мне нужен приз, но просто так, ради победы.

И мантикора отправился дальше. Бинк опять подивился юмору королевы – нарядить такое грозное создание, как мантикора, у которого человеческая голова с тремя челюстями, тело льва, крылья дракона и хвост огромного скорпиона, гарпией! Воистину, один из самых смертоносных монстров Ксанфа получил внешность самого омерзительного! И все же мантикора принял это с достоинством и даже включился в игру с отгадыванием и лабиринтом. Возможно, он ощущал уверенность от сознания того, что у него есть душа, и внешность для него не играла никакой роли.

– Я вот все думаю, а вдруг и у меня есть магический талант? – задумчиво, с виноватыми нотками в голосе произнес Честер.

Переход от склонности к достоинству воистину очень труден!

– Ты можешь это узнать, если выиграешь приз, – заметил

Бинк.

Кактус прямо расцвел:

– Правильно! – Очевидно, это и был не имевший ответа вопрос, засевший в голове у Честера, о котором он не говорил вслух. Кактус вдруг нахмурился: – Но Чери не допустит, чтобы у меня был талант, даже самый маленький. Она ужасно щепетильна в этом вопросе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.